

НЕБЕЗЛИЧНОЕ... НЕПРЕХОДЯЩЕЕ...

Читая на сайте воспоминания соратников, аспирантов, докторантов и учеников об Алексее Ивановиче Пискунове, вспомнила строки Арсения Тарковского:

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово.

Подумалось: а ведь это строки о *нашем* Алексее Ивановиче Пискунове – Учителе, Человеке, Личности!

У каждого из нас *свой* Алексей Иванович. О *своем* Алексее Ивановиче и о *своей* Лидии Ефремовне, они для меня неразделимы, я и хочу поведать и рассказать. И говорить о них хочется высоким слогом...

Первая встреча. Знакомство.

Я преподаватель Грозненского пединститута сижу в приемной Алексея Ивановича. Пришла не одна, с «группой поддержки» – подругой. Робею, волнуясь, настраиваюсь. В приемной много народу, посетители с трепетом заходят в кабинет к Самому, взволнованные выходят обратно. Тревога и робость нарастают. Приходит мысль: уйти. Подруга буквально вталкивает меня в кабинет. Стою посреди кабинета, слышу свой растерянный голос: «Здравствуйте, вот и я!». Алексей Иванович сидит за столом, пишет. Бросает на меня мимолетный, внимательный взгляд, говорит, как мне кажется, с иронией: «Ну, здравствуйте, присаживайтесь!»

Знакомимся. Беседа о цели приезда, о сфере профессиональных интересов. Неожиданное: «Я вас беру!» Приглашение домой.

Кабинет, уставленные книгами полки, стол Алексея Ивановича, знаменитое «аспирантское кресло». «Детка, иди, познакомься». Детка – это жена Учителя.

Первая встреча с Лидией Ефремовной. Вижу перед собой уверенную, знающую себе цену женщину. Женщину, уверенность которой подтверждается мужчиной, с которым живет. Чувствуется, что это женщина, которую любят и ценят, с которой считаются.

Беседа, чай, непринужденная атмосфера Дома.

С этого вечера и на несколько последующих лет, этот дом станет для меня важной точкой опоры в пространстве огромной, многомиллионной Москвы. С этого вечера я буду воспринимать Алексея Ивановича и Лидию

Ефремовну как неделимое целое. Мне будут здесь всегда рады. Ко мне будут внимательны в этом доме. За меня будут волноваться. С меня будут строго спрашивать, требовать, сначала как со стажёра, затем – аспирантки Алексея Ивановича.

Проштрафившись перед Учителем, я быстро проскальзывала на кухню к своему ангелу-хранителю – Лидии Ефремовне: «Спасайте, боюсь идти к Алексею Ивановичу!». Лидия Ефремовна входила в кабинет, со словами: «Аля! Вот что я хотела тебе сказать...», садилась на диван, заводила разговор о чем-то отвлеченном, разряжала грозovou обстановку.

В один из дней я пришла на кафедру к Алексею Ивановичу и попросила уделить мне внимание. У Алексея Ивановича был сложный день, и я попала под горячую руку. Единственный раз, за все время нашего общения, Алексей Иванович, как мне тогда показалось, резко оборвал меня.

Я вышла обескураженная: обида, слезы. Подумала, что не нужна мне аспирантура, если придется сносить такое отношение. Решила бросить все, уехать домой. Месяц я не показывалась на глаза Алексею Ивановичу, не звонила. Звонок раздался от Лидии Ефремовны, поступило приглашение прийти.

В назначенный день дверь мне открыла Лидия Ефремовна, Алексей Иванович сидел в своем кресле, увидев меня, вскричал: «Пришла! О-о-о! Гордая горянка!». С тех пор «Гордая горянка» стало моим вторым именем. Алексей Иванович произносил его с разными интонациями, то шутливо, то иронично, то уважительно.

В начале 90-х Алексей Иванович с Лидией Ефремовной приехали на Северный Кавказ. Отдыхали в Махачкале, затем приехали в Грозный. Юность Алексея Ивановича прошла в Науре, в Чечне, и ему хотелось вновь посетить памятные для него места.

В поездке по Чечне я сопровождала Алексея Ивановича и Лидию Ефремовну. Нас возили на автомашине мои братья. Посетили Наур, съездили в горы. Алексей Иванович был воодушевлён, с интересом наблюдал жизнь республики, в которой он был десятилетия назад. Его острый взгляд подмечал все.

Как-то он иронично заметил: «Посмотри-ка, Детка, на эту горянку. В Москве – сама скромность, а здесь повелевает мужчинами!» «Да, Алечка, - ответила Лидия Ефремовна, - я тоже обратила на это внимание». Я пояснила, что рядом со своими братьями чувствую себя защищенной, и потому более спокойной, раскованной и свободной. Объяснение было с пониманием (и с добрым юмором) принято. Эти желание и готовность понять и принять всегда удивляло в них.

С этой поездкой связан один примечательный эпизод. Алексей Иванович после поездки в Наур возил с собой камень, который хотел забрать в Москву в память о своей юности, но в спешке забыл в машине. И каково

же было их удивление, когда (через год после их поездки в Чечню) на пороге квартиры оказался молодой человек, который протянул сверток и сказал: «Здесь камень, который Вы забыли. Я видел, что он дорог Вам, означает для Вас что-то важное, памятное».

Лидия Ефремовна и Алексей Иванович пробуждали в людях особое к себе отношение – не академик и ученая дама из столицы, а в высокой степени интеллигентные, и в то же время, простые в общении люди. Эта простота – особой пробы, не простецкое, а подлинное, настоящее отношение к людям. По делам нашим воздается нам...

Не могу не сказать о том, какой парой были Алексей Иванович и Лидия Ефремовна. Отношения естественно-настоящие. Очень трогательные. Понимание взаимное с полуслова, полувзгляда. Каждый из них имел свою позицию, свое мнение и свою точку зрения по любой проблеме. Это необязательно должно было быть одно видение, но в то же время это всегда воспринималось с взаимным уважением.

Два интеллектуала, оба грамотные специалисты, с глубочайшим знанием предмета, как говорят сегодня, профи в своих областях. Академик, историк педагогики – он, Алексей Иванович; психолог – она, Лидия Ефремовна. Интеллектуальное наслаждение было присутствовать при их профессиональных беседах.

Лидия Ефремовна умела удивительным образом создавать доверительно-откровенную атмосферу, я могла делиться с ней многим – секретами, переживаниями. Возможно, что-то ей было внове и не совсем понятно, все же я человек другой культуры и других традиций. Интеллигентная Лидия Ефремовна никогда не осуждала, понимание и принятие было в основе ее отношения к людям. Лидия Ефремовна и Алексей Иванович принимали живое участие в моей судьбе, все пытались устроить мою личную жизнь и все сокрушались: «Где же мы ей чеченца найдем».

«Чеченская» тема была тогда «актуальной». В каждом издании практически каждый день что-то писали о Чечне и чеченцах: были и небылицы. В своих беседах мы не могли не касаться этой темы. Алексей Иванович пытливо старался понять, глубоко анализировал происходящее, задавал вопросы, искал ответы. Тема небылиц шутивно обыгрывалась нами в разговорах. Как-то я пришла в дом к Алексею Ивановичу и Лидии Ефремовне с номером «Московского комсомольца». Газета опубликовала сенсационную заметку о том, что у Алена Делона дед – князь чеченский. (В статье мелким петитом была приведена сноска, что это – первоапрельская шутка). Я вручила газету Алексею Ивановичу.

«Детка, смотри, здесь и впрямь написано, что у Алена Делона дед - князь чеченский» - искренне изумлялся он. Ситуацию разрядил общий смех, когда я созналась, что это шутка. Столько незлобивого юмора, тон-

кого подтрунивания, доброжелательного смеха и иронии было в этом во всем.

Особо хотелось бы сказать о периоде, когда началась война в Чечне. Я благодарна безмерно за ту поддержку, которую оказали мне Алексей Иванович и Лидия Ефремовна в те тяжелые для меня дни. Грозный бомбили, я не знала ничего о своих родных, с ужасом ждала страшных известий, металась, порывалась бросить все и мчаться на поиски и выручку близких. Пока родные не позвонили и не сообщили мне, что живы, находятся вне опасности, я находилась в депрессии. Из учебного процесса я, конечно же, выпала. Алексей Иванович помог мне оформить академический отпуск. Выйти из депрессии и вернуться к работе помогли мне Алексей Иванович и Лидия Ефремовна. Нашли верные слова, тон. Алексей Иванович напомнил, какое сопротивление родных пришлось мне преодолеть, чтобы приехать учиться в Москву, меня не хотели отпускать одну. Затем сказал: «Как важно для Ваших родных сейчас, чтобы Вы довели начатое дело до конца. Это нужно не только Вам, но и им!»

Как часто я слышала от них: «Татьяна, мы сочувствуем вам». Благодаря этой поддержке, этому пониманию, в 1995-м году я защитила диссертацию. И на всю жизнь я сохраню и через всю жизнь пронесу то чувство благодарности и признательности, которые я испытываю к Алексею Ивановичу и Лидии Ефремовне за поддержку, оказанную мне, когда было невыносимо больно и тяжело.

То, что Всевышний подарил мне встречу с такими людьми, как Алексей Иванович и Лидия Ефремовна, я воспринимаю как подарок небес, как благосклонность судьбы к себе. Я их обоих очень любила и люблю, и чувствовала, что мне отвечали взаимностью.

Вслед за И.Бродским хочется повторить:

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.

Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

Моя мама и Алексей Иванович ушли в один год, ушли два очень близких мне человека. Горевала и скорблю об обоих.

Об Алексее Ивановиче – учёном сказано много и многое еще скажут. В научном мире его знают и чтят как талантливого, разностороннего и глубокого учёного. Мне хотелось рассказать о человеческом таланте Алексея Ивановича. Его и Лидии Ефремовны человеческом таланте, поскольку для меня они неотделимы друг от друга. Высоким слогом!